

К. П. Масальский

Быль 1703 года

Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века./ Сост. и подгот. текста А. Рогинского. -- М.: Худож. лит., 1989.

(Классики и современники. Русская классич. лит-ра).

[OCR Бычков М. Н.](#)

1

Если с берега Большой Невки войдете, для прогулки, в Императорский ботанический сад, то пройдете по длинной аллее, которая подле садовой решетки тянется к той стороне, где сад граничит с набережною речки Карповки, и отыщите там извивающуюся между деревьями дорожку. Она приведет вас к десяти старым липам, которые, как великаны, возвышаются над всеми прочими деревьями. Девять из этих великанов стоят тесным строем, а один -- несколько в стороне, как будто начальник отряда. Вы невольно снимете шляпу, если захотите, подойдя к ним, взглянуть на их вершины, а потом по доброй воле не наденете шляпы, если, глядя на эти деревья, вспомните, что их садил Петр Великий; что перед вами стоят живые еще современники великого государя, живые свидетели славного его царствования. Много уже поколений пережили эти липы, много видели они на своем веку. Если вы поэт, берите лиру, постарайтесь звуком золотых струн вызвать дриаду, живущих внутри этих старых деревьев. Сколько бы любопытного могли нам рассказать вызванные дриады, эти лесные нимфы, все еще прекрасные, несмотря на то, что они ровесницы липам, что им уже гораздо более ста лет от роду. Берите лиру... но вы, кажется, берете перо и бумагу? Ах, не трудитесь понапрасну! Дриады не послушаются нынешних, романтических стихов. Чтобы их вызвать, нужен поэт греческий, древний, а не нынешний; с лирой, а не с пером в руках.

Вместо десяти дриад, которых уж нынче не вызовешь ни стихами, ни прозой, мы вытащим из шкафа десять старинных книг и рукописей и передадим читателям рассказ этих бумажных нимф о происшествии, которое случилось давно, очень давно на берегах той речки, где стоят древние липы.

В 1703 году еще не было ни лип, ни ботанического сада, ни даже всего Петербурга. Бумажные наши дриады рассказывают, что там, где теперь Петербург, зеленел только густой лес, в котором по местам проглядывали болота. На берегу реки Охты, впадающей в Неву, стояла шведская крепость Ниеншанц, которую тогдашние русские называли Канцами. По тогдашнему Петербургу не ходили еще львы в модных прическах и желтых перчатках, а прогуливались настоящие медведи да бегали волки. На месте нынешнего Екатерингофа стояла финская деревня, которую русские впоследствии назвали Калинкиною, да но Неве и рукавам ее мелькали изредка посреди сосен и елей рыбацьи хижины. Пустынная, дикая была сторона!

На безымянном острове, который впоследствии назвали Аптекарским, выглядывали, как будто со страхом и осторожностью, из густого леса на текущую мимо Карповку две маленькие избы, отличавшиеся резко одна от другой своим наружным видом. Одна из них была шведской постройки, другая же -- русской. Кто и когда их построил, да еще в такой глуши? А вот спросим наших бумажных дриад: они нам расскажут.

В апреле 1703 года у окошка одной из этих избушек сидел седой старик с длинною бороною. Глубокие морщины на лбу, бледный цвет лица, нависшие брови над впалыми черными глазами, сгорбившийся стан -- все показывало, что этот старик много перенес горя в жизни. Против него сидел молодой человек лет двадцати, приятной наружности, с небольшими русыми усиками, которые недавно начали расти, с голубыми глазами, исполненными огня и отваги. Он держал в руках ружье, а через плечо висела у него охотничья сумка. У ног его лежала собака и, глядя на него пристально, махала хвостом.

-- Эх, Вася, Вася! -- сказал старик со вздохом.--- Плохой ты охотник! Потерял выстрел и возвратился с пустыми руками. Придется нам голодать с тобою сегодня! Разве у тебя нет больше пороху?

-- Нет, весь вышел. И на выстрел-то насилу набрал.